

Приамурские ведомости.

1899. 10 января. № 263.

С. 14, 15, 16.

Литературное чтение во Владивостоке.

Меня очень интересовало ознакомиться съ литературными чтеньями, устраиваемыми во Владивостоке обществом народных чтений, и вотъ, благодаря счастливой случайности, я 13 декабря 1898 г. имѣлъ, наконецъ, возможность посѣтить одно изъ такихъ литературныхъ чтений. Читала г-жа Протасова статью Я. Абрамова „Наша жизнь въ произведеніяхъ Чехова“.

Странное, чтобы не сказать тяжелое, впечатлѣніе произвело на меня это литературное чтеніе. Мнѣ, знакомому съ произведеніями Чехова и съ указанной статьей г. Я. Абрамова, помѣщенной въ июньской книжкѣ Недѣли за 1898 г., думалось, что увижу въ аудиторіи исключительно интеллигентную публику или, по меньшей мѣрѣ, великовозрастныхъ слушателей и слушательницъ, въ которыхъ можно предполагать большее или меньшее знакомство съ произведеніями Чехова, ибо самъ авторъ предложеннаго публичн. чтенія, г. Я. Абрамовъ, говоритъ (стр. 148), что „дать понятіе о богатствѣ содержанія произведеній Чехова очень затруднительно, если читатель самъ не знакомъ съ нѣкоторыми книжками Чехова.“ Въ дѣйствительности-же, я увидѣлъ нѣчто совсѣмъ другое. Изъ 88 насчитанныхъ мною въ аудиторіи, слушателей было: маль-

чиновъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 5 (были и такіе) до 12 лѣтъ—21; мальчиковъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ—14; матросовъ—8, а остальное число слушателей (не считая хора военной музыки), за весьма небольшимъ исключеніемъ, были тѣ же лица, которыхъ я уже болѣе 15 лѣтъ встрѣчаю въ аудиторіяхъ народныхъ чтений.

Такой состав аудитории, совершенно не соответствующий предложенному чтению, естественно привелъ къ тому, что три четверти публики, не слушая читаемаго и видимо привлеченные въ аудиторию возможностью послушать музыку, постоянно поворачивались назадъ, что-бы посмотреть, кто вошелъ въ аудиторию. Послѣ перерыва, когда сыграла музыка, на вторую половину чтенія осталось 47 человекъ, а остальные одинъ за другимъ ушли.

Статья Я. Абрамова принадлежитъ къ ряду статей критическихъ. Критическая статья, разбирающая произведенія писателя, помещенная въ повременномъ изданіи, предназначена, конечно, для читателей, которые, при чтеніи, имѣютъ возможность останавливаться на болѣе или менѣе выдающихся мѣстахъ статьи, обдумывать ихъ, прочитывать въ подлинникъ нѣкоторыя мѣста произведеній писателя и дѣлать свои заключенія, соглашаясь или не соглашаясь съ критикомъ. Даже въ интимной компаніи не всегда удастся чтеніе критическихъ статей. Въ большой же аудиториі, при разнообразной умственной подготовкѣ, чтеніе критической статьи можетъ привести къ совершенно нежелательнымъ результатамъ. Нѣчто подобное было и въ данномъ случаѣ.

Невольно я задалъ себѣ вопросъ, для какого контингента слушателей предназначаются такія литературныя чтенія по уставу общества народныхъ чтеній во Владивостокѣ? Мнѣ казалось, что § 1 устава этого общества ставитъ цѣлью усиленное распространеніе полезныхъ знаній не *въ публикѣ*, а *въ народѣ*, какъ точно указано въ уставѣ, который гласитъ такъ: „Цѣль общества: усиленное распространеніе полезныхъ знаній въ народѣ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ на сей предметъ дѣйствующими узаконеніями и административными распоряженіями.“ Для достиженія означенной цѣли, общество, по § 2 устава, устраиваетъ народныя и литературныя чтенія по разнымъ, какъ специальнымъ, такъ и общеобразовательнымъ отраслямъ знаній, причемъ тѣ и другія чтенія могутъ сопровождаться производствомъ опытовъ, демонстраціею приборовъ, картинъ, географическихъ картъ и т. п.“

Въ уставѣ есть еще другое указаніе на литературныя чтенія. Именно, § 10 разрѣшаетъ устройство платныхъ литературныхъ чтеній, доходъ съ которыхъ поступаетъ на усиленіе средствъ общества. На устройство таковыхъ чтеній испрашивается, каждый разъ, надлежащее разрѣшеніе и

чтенія эти находятся подъ особымъ контролемъ административныхъ властей, какъ и литературное чтеніе устраиваемое всякимъ частнымъ лицомъ. Чтеніе „*Наша жизнь въ произведеніяхъ Чехова*“ не подходитъ подъ эту послѣднюю категорію чтеній. Это было бесплатное литературное чтеніе для народа. И какъ жаль, что превосходная дикція г-жи Протасовой, хотя съ нѣкоторой монотонностью голоса, не только пропала даромъ передъ неподготовленной аудиторіей, но даже могла принести вредъ, бывшимъ въ числѣ слушателей, подросткамъ. Изъ храма народнаго просвѣщенія раздаются рѣчи Я. Абрамова; читаются онѣ какъ въ народныхъ чтеніяхъ, но книжкѣ отъ слова до слова, — значить, онѣ правильны, значить, онѣ разрѣшены къ распространенію въ народѣ. И юная или неподготовленная голова придетъ къ убѣжденію, что дѣйствительно все, сказанное Я. Абрамовымъ, правда; что жизнь у насъ на Руси идетъ изъ рукъ вонъ скверно; что всѣмъ и каждому надо читать сочиненія Чехова, ибо въ этомъ спасеніе отъ того ужаснаго состоянія жизни на Руси, которое, по словамъ Я. Абрамова, описываетъ Чеховъ.

Я. Абрамовъ пишетъ, напр. (стр. 151 и 152) слѣдующее: „Дѣло идетъ о людяхъ, страдающихъ отсутствіемъ воли.“ „На западѣ этотъ типъ или настолько малочисленъ, или настолько парализуется противоположнымъ типомъ людей сильной воли, что онъ не оказываетъ никакого замѣтнаго влѣдствія на теченіе жизни. Иное дѣло у насъ. Обиліе этихъ безвольныхъ людей, при ничтожной численности людей съ сильной волей, имѣетъ самое пагубное вліяніе на ходъ нашей жизни.“

У Чехова — цѣлая галерея представителей этого типа людей. Тутъ есть добрые и злые, умные и глупые, даровитые и безталантные; но у всѣхъ у нихъ одна и та-же преобладающая черта — полное отсутствіе воли, а отсюда и способности идти своимъ путемъ, жить по своему разумію. Русская жизнь такъ мало благопріятствовала воспитанію въ русскомъ человѣкѣ силы воли; за то она давала слишкомъ благопріятныя условія для развитія безволія. И представители этого типа, этого продукта нашей тысячелѣтней жизни, распустились нынѣ пыльнымъ цвѣткомъ по всему лицу русской жизни.“

Человѣкъ, хоть по наслышкѣ знакомый съ нашей отечественной исторіей и съ современной нашей жизнью, конечно, не задумываясь скажетъ, что во всемъ приведенномъ поученіи пѣтъ ни од-

Приамурские ведомости.

1899. 10 января. № 263.

С. 14, 15, 16.

ного слова правды. У русского человека нѣтъ силы воли! На Руси, преимущественно, люди безвольные! Какъ хотите, а это черезъ чуръ сказано. До сихъ поръ не соглашались, что русскіе обладаютъ замѣчательной стойкостью, замѣчательной силой воли, а черезъ то и законностью. Люди безвольные составляли и составляютъ исключенія. И вотъ, съ народной кафедры, со словъ Я. Абрамова.

поучаютъ, что, наоборотъ, у насъ на Руси почти исключительно люди безвольные, а люди крѣпкой воли составляли и составляютъ рѣдкое исключеніе. Естественно, что воля или неподготовленная голова слушателей останутся при этомъ ложномъ понятіи.

Я уже не говорю о томъ, что Я. Абрамовъ не настолько авторитетенъ, чтобы его взглядъ приводить въ народъ съ народной кафедры. Онъ, напр., (стр. 146) говоритъ: „и вотъ для того, чтобы вывести насъ изъ состоянія невѣдѣнія, изъ состоянія спокойствія, обусловленнаго отсутствіемъ мысли, отсутствіемъ истиннаго пониманія значенія явленій жизни,—для того, чтобы пробудить нашу мысль и направить ее работу на разсмотрѣніе и оцѣнку явленій дѣйствительной жизни, чтобы побудить насъ выработать систему сознательнаго поведенія по отношенію къ себѣ, ближнимъ и всему міру,—и нужны такіе писатели, какъ нашъ Чеховъ или, напр., французскій Мопассанъ. Раскрывая передъ вами съ полной безопадностью истинное значеніе явленій жизни, они учатъ насъ сознательному отношенію къ этимъ явленіямъ, они заставляютъ насъ сознательно выработывать въ себѣ то или иное міросозерцаніе, а отсюда и систему своего нравственнаго поведенія.“

Для подготовленнаго читателя такое поученіе вполне понятно, а для народной аудиторіи оно совершенно непонятно. Я. Абрамовъ, такъ сказать, рекомендуетъ читать Чехова и Мопассана, но не принимаетъ во вниманіе, что на неподготовленнаго читателя произведенія этихъ авторовъ производятъ дѣйствіе совершенно обратное тому, на которое рассчитываетъ Я. Абрамовъ.

Затѣмъ, Я. Абрамовъ въ произведеніяхъ Чехова видитъ то, чего большинство интеллигентныхъ читателей не замѣчаетъ. Такъ, передавая содержаніе разсказа Чехова «Винтъ», этого презабавнаго и веселаго произведенія талантливаго писателя, Я. Абрамовъ говоритъ: „какъ ни смѣшна вся разсказанная Чеховымъ исторія,—не только не хочется по прочтеніи ее смѣяться, а невольно становится на душѣ грустно.“ Мнѣ много разъ приходилось слушать этотъ разсказъ при чтеніи въ самыхъ разнообразныхъ собраніяхъ и всегда „Винтъ“ Чехова вызывалъ у слушателей самый всеобщій, самый искренній хохотъ и я первый разъ, въ лицѣ Я. Абрамова, встрѣчаю человека, которому дѣлается грустно на душѣ послѣ чтенія этого милаго разсказа. Между тѣмъ, народная аудиторія подтвердитъ на слово Я. Абрамову.

Литературное чтеніе 13 декабря, повидимому, показываетъ, что общество народныхъ чтеній во Владивостокѣ, на первыхъ же порахъ своего существованія, сильно уклонилось отъ цѣли, поставленной ему уставомъ. Говорятъ, впрочемъ, что народные чтенія во Владивостокѣ происходятъ въ зданіи школы благотворительнаго общества. Не удалось мнѣ тамъ побывать, а потому ничего не могу

сказать объ нихъ. Но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ное помѣщеніе, въ зданіи городской управы, гораздо лучше и обширнѣе рекреационнаго зала въ мужской гимназій, гдѣ впервые зародились народные чтенія во Владивостокѣ и гдѣ слушателей собиралось болѣе 200 человекъ и остается только пожалѣть, что настоящимъ помѣщеніемъ не пользуются для устройства народныхъ чтеній.

Немалою сравнилъ я владивостокское литературное чтеніе съ хабаровскими народными чтеніями. Въ Хабаровскѣ залъ городского училища и обширнѣе и лучше, а слушателей втрое больше, хотя городъ вчетверо меньше Владивостока.

Ис. Надаровъ.